

Ю. Г. Шикалов
Университет Йюенсуу, Финляндия

Архангельская Карелия: заворки Востока или форпост Запада?

Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии
в конце XIX – начале XX в.

В трудах, касающихся истории развития крестьянских семей в Европе, отмечается, что в XIX в. граница между так называемым западным и восточным типами крестьянских семей проходила по меридиану Петербург – Триест. Одной из отличительных черт семей восточного типа была высокая рождаемость и чрезвычайно высокая младенческая смертность. Эти демографические признаки характеризовали репродуктивное поведение большинства русских крестьян¹. Напротив, в семьях западного типа крестьяне стремились ограничить рождаемость, и младенческая смертность в таких семьях тоже была значительно ниже.

Б. Н. Миронов, выпустивший фундаментальный труд по социальной истории России периода империи, отмечает, что в конце XIX – начале XX в. отличительной чертой демографического менталитета православных русских крестьян являлась высокая рождаемость². По мнению социологов, высокая рождаемость была характерна для феодального общества, в котором понятия «семья» и «хозяйство» являются неразделимыми. По мере развития общества и отхода от натурального хозяйства наблюдается переход от традиционно высокой рождаемости к рациональным формам репродуктивного поведения³. В России изменения в репродуктивном поведении крестьян начались лишь во второй половине XIX в., по мере развития капиталистических отношений. До этого времени преобладала традиционная модель репродуктивного поведения. Дети считались Божьей благодатью и к их рождению – как, впрочем, и к смерти – крестьяне относились фатально: «Бог дал – Бог и взял»⁴.

Беломорская Карелия, являвшаяся частью Кемского уезда Архангельской губернии, располагалась на крайнем северо-западе России и была далека от промышленных центров. В XIX в. эта этническая область воспринималась российской общественностью как глухая провинция, населенная далекими от цивилизации «инородцами»⁵. Даже соседи карел по уезду – поморы – считали их народом диким и весьма опасным⁶. Логично было бы предположить, что в карельских семьях Кемского уезда во второй половине XIX столетия не могло быть и намека

на переход к рациональной форме репродуктивного поведения. Не удивительно, что современные исследователи Карелии нередко пишут о том, что карельские женщины рожали большое количество детей и детская смертность в этом «диком» краю была чрезвычайно высокой. Так, например, Р. Ф. Никольская отмечает в своих исследованиях, что «в конце XIX – начале XX в. карельские женщины рожали до 16–18 детей, однако лишь незначительная часть их выживала»⁷.

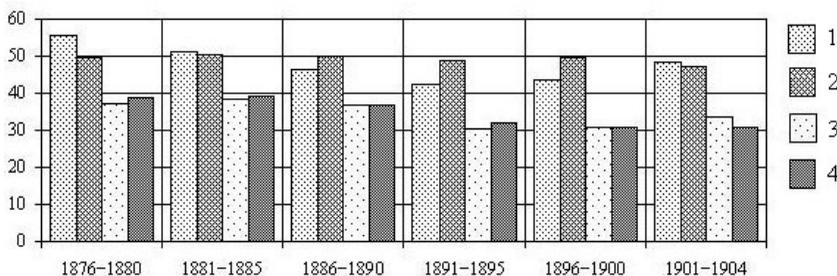
С другой стороны, сами беломорские карелы, когда говорили о количестве детей в семьях, редко упоминали такие большие цифры⁸. Подобные разногласия и послужили причиной исследования, проведенного автором. В исследовании были использованы статистические данные, полученные из церковных книг и всевозможных справочников, а также этнографические материалы. Уже данные этнографов говорят о том, что в среде крестьян Беломорской Карелии традиционное репродуктивное поведение не пользовалось популярностью. В деревнях Карелии молодые люди старались не брать в жены девушек, которые, по их мнению, могли быть слишком «плодовитыми». Часто рожавших женщин называли «гусынями», и относились к ним с недоверием. Не одобряли и женщин, которые не родили ни одного ребенка. Таких называли «лошадиным племенем» и считали, что у них «отсохли» детородные органы⁹.

Результаты статистических исследований полностью подтверждают данные, собранные этнографами. В проведенном исследовании подсчитаны показатели рождаемости в Беломорской Карелии и Кемском Поморье с 1876 по 1904 г. Установлено, что в исследуемый период среднегодовая рождаемость в среде беломорских карел равнялась 35‰. Этот показатель значительно ниже, чем среднегодовая рождаемость по европейским губерниям России, где рождаемость в конце XIX – начале XX в. была близка к 50‰¹⁰. В деревнях же Кемского Поморья рождаемость равнялась 48‰, т. е. практически не отличалась от показателей рождаемости, характерных для большинства русских деревень европейской части России.

С другой стороны, рождаемость в карельских деревнях Кемского уезда была близка к показателям рождаемости в финской провинции Кайнуу, являвшейся ближайшим соседом Беломорской Карелии на западе. Вообще в Финляндии показатели рождаемости не превышали 50‰ даже в XVIII в., а к концу XIX столетия они снизились до уровня 35‰. В первом десятилетии XX в. рождаемость в Финляндии уже не превышает 30‰¹¹. В провинции Кайнуу картина изменения рождаемости практически не отличалась от общей картины изменения рождаемости в Финляндии. Если в 80-х гг. XIX в. среднегодовая рождаемость в этой отдаленной от центра провинции еще достигала иногда 40‰, то

уже в 90-х гг. рождаемость здесь снижается до уровня примерно 30‰ и держится на этом уровне вплоть до 30-х гг. XX столетия¹². Приведенный здесь график наглядно показывает картину изменения рождаемости в описанных регионах. Из графика видно, насколько близки были показатели рождаемости в Беломорской Карелии и провинции Кайнуу и насколько сильно они отличались от рождаемости в Кемском Поморье и от средних по европейской России значений рождаемости.

Рождаемость (‰) в Кемском Поморье (1), европейских губерниях России (2), Беломорской Карелии (3) и финской провинции Кайнуу (4) в 1876–1904 гг.¹³

Уже в начале XIX в. во многих странах Западной Европы происходит уменьшение уровня рождаемости и переход населения от традиционного к новому, так называемому рациональному типу репродуктивного поведения. Причиной послужило развитие индустриального производства и связанные с ним изменения экономических и социальных функций семьи. В России изменение репродуктивного поведения происходило с большим запаздыванием и в конце XIX в. снижение рождаемости наблюдалось лишь в Прибалтийских регионах и крупных промышленных центрах¹⁴. В российские деревни регулирование рождаемости начало проникать, прежде всего, через отходников, уходивших на заработки в крупные города. Отходничество изменяло стандарты традиционного демографического поведения, отходники вносили в жизнь своих семей черты городского быта, в частности, знание методов регулирования рождаемости¹⁵.

Как уже упоминалось, Беломорская Карелия находилась вдали от крупных городов и никак не могла претендовать на звание промышленного района России. Чем же тогда можно объяснить столь «передовое» отношение карельских крестьян к вопросам рождаемости? Несомненно, что и здесь главную роль сыграли изменения в хозяйственной жизни населения. Крестьяне Беломорской Карелии вспоминали, что в первой

половине XIX столетия им хватало своего хлеба вплоть до следующего урожая, поскольку подсечное земледелие при благоприятных условиях давало урожаи «сам 40», а то и «сам 50»¹⁶. Однако в конце 1850-х гг. подсеки были запрещены, так как чиновники посчитали, что в результате такого земледелия гибнет большое количество государственных лесов¹⁷. Попытки государства перевести карельские хозяйства на полевое земледелие провалились, и решающую роль в жизнеобеспечении края стал играть привозной хлеб. Не приносило ощутимого дохода и скотоводство, поскольку кормовая база была очень слабой. Карельские крестьяне были вынуждены искать иные средства к существованию.

Уже в 1852 г. Министерство государственных имуществ получило рапорт, в котором говорилось, что у беломорских карел «отхожие промыслы составляют главный источник заработков». В западных волостях Кемского уезда с наступлением осени множество мужчин отправлялось «коробейничать» в Финляндию. В восточных областях Беломорской Карелии крестьяне подражались на рыбные промыслы в поморские артели либо занимались извозом, а концу столетия в крае начинает набирать силу лесная промышленность¹⁸. Таким образом, к концу XIX в. во многих карельских семьях приобретает вес денежная форма хозяйствования. Как писал Юшкозерский священник, «главный промысел населения прихода за последние 20 лет, на который уходит большая часть года, это вырубка, вывозка и сплав бревен для Т-ва Кемских лесопильных заводов. ... С наступлением осени многие лица из населения уходят в Финляндию для торговли в разнос. Этот отхожий промысел и является у карел почти единственным источником добывания средств...»¹⁹. А священник Ухтинского прихода вообще сравнивал местных крестьян с горожанами: «Пахоты у карел вообще мало, а у ухтян на половину и совсем нет, живут на городском положении»²⁰.

Земледелие и в особенности подсеки требовали большого количества рабочих рук. Нанимать их со стороны – для этого у крестьян не было средств. Проблема пытались решить «изнутри», за счет детей. Решение это было крайне невыгодным экономически, поскольку дети часто потребляли больше, чем производили, и нередко умирали так и не «оплатив» затраченных на них расходов. Хозяйства отходников уже не нуждались в большом количестве детей, напротив – чем меньше детей было в семье, тем легче было женщинам вести хозяйство в отсутствии мужчин. Молодые карельские мужчины, проводившие много времени в Финляндии и ходившие торговать даже в Швецию, естественно подвергались влиянию зарубежных обычаев и по возвращении домой стремились устроить свои семьи по образцу финских и шведских семей. Долгие отлучки

не только снижали количество сексуальных контактов, но и наверняка служили определенной «школой» по регулированию рождаемости. И если в русских деревнях церковь, не одобрявшая регулирования рождаемости, в значительной мере тормозила переход русских крестьян к новому типу репродуктивного поведения, то в среде беломорских карел авторитет церкви был весьма незначителен и вряд ли распространялся на внутрисемейную жизнь местных крестьян. Таким образом, переход на новые формы хозяйствования привел к тому, что в семьях беломорских карел во второй половине XIX в. утверждается новая, «прогрессивная» модель репродуктивного поведения.

С другой стороны, в среде поморских крестьян, являвшихся соседями беломорских карел по волости, высокая рождаемость сохранялась. Объяснение этому, очевидно, следует искать, во-первых, в традициях, а во-вторых, в значительном влиянии старообрядчества и церкви на семейную жизнь поморов. Мурманские рыбные промыслы, бывшие основным источником доходов для большинства поморских семей, тоже разделяли семейные пары практически на полгода и в некоторой мере уменьшали рождаемость в поморских семьях. Однако в поморской среде деревенская община и церковь строго следили за соблюдением традиционной морали²¹. Один из главных постулатов морали русского православного крестьянина «все дети – от Бога» здесь соблюдался строго, в особенности в старообрядческих семьях, которых в Кемском Поморье было много. Справиться же с большим количеством детей в отсутствие мужа поморским женщинам помогала «большая семья», т. е. система хозяйствования, при которой семьи взрослых детей проживали совместно с родителями. Эта «архаичная» система ведения домашнего хозяйства была очень широко распространена в Поморье вплоть до начала XX в.²²

Подсчеты, проведенные по данным метрических книг в некоторых приходах Кемского уезда, показали, что в конце XIX в. в большей части изученных семей родилось от двух до пяти детей. Из их числа до совершеннолетия доживали далеко не все. К примеру, в Колежемском приходе, расположенном в Поморье, до 16 лет доживала только половина всех детей. В то же самое время в Ухтинском приходе, расположенном в центре Беломорской Карелии, из 4–5 родившихся детей в возрасте до 16 лет умирал в среднем лишь один ребенок. Различие в детской смертности в этих двух этнических областях особенно заметно при анализе показателей младенческой смертности, т. е. смертности детей, умерших в возрасте до одного года.

Б. Н. Миронов сравнивает репродуктивное поведение российских крестьян в XIX в. с «адской машиной». По его мнению, «дети рождались,

чтобы умереть, и, чем больше рождалось детей, тем больше умирало, а чем больше умирало, тем больше рождалось»²³. Это был какой-то заколдованный круг – крестьяне боялись остаться без наследников и стремились завести как можно больше детей, однако чем больше детей рожалось, тем меньше было у родителей возможностей для нормального ухода и тем больше была вероятность гибели ребенка. Не удивительно, что средние показатели младенческой смертности в европейской части России в период 1860–1910-х гг. находились на уровне 220–300%²⁴. Статистика показывает, что в конце XIX – начале XX в. только в европейских губерниях России умирало ежегодно в среднем 1 100 000 детей в возрасте до года. Подсчитано, что, к примеру, если бы младенческая смертность в России в 1903 г. была такой же, как в Норвегии (где показатели были самыми низкими в Европе), то в этом году осталось бы в живых около 850 000 русских младенцев²⁵.

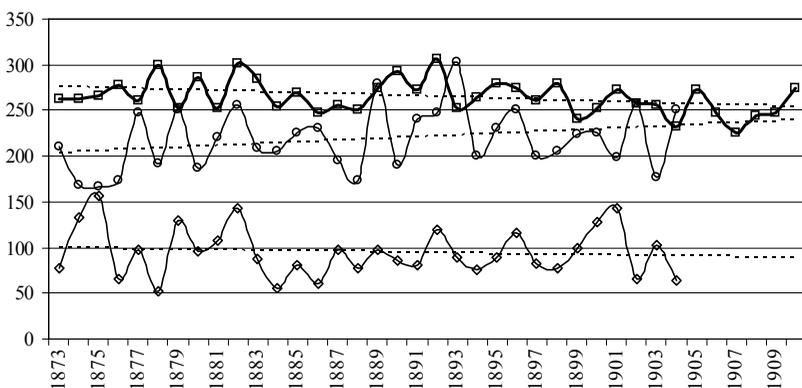
Чрезвычайно высокие средние показатели младенческой смертности в России отнюдь не являлись повсеместными для всей территории империи. Было замечено, что граница в показателях младенческой смертности проходила примерно по меридиану Петербурга. На запад от этой границы младенческая смертность находилась на уровне 100–250%, в то время как на восток от меридиана она характеризовалась показателями, нередко превышавшими 350%²⁶.

Архангельская губерния с ее обширными и малозаселенными территориями входила в состав регионов с относительно невысокой младенческой смертностью. К примеру, в десятилетие 1887–1896 гг. в губернии на первом году жизни умирало ежегодно в среднем «лишь» около 250 младенцев из каждой тысячи родившихся. Особая роль в столь низких показателях младенческой смертности в губернии принадлежала Кемскому уезду, где младенческая смертность в конце XIX – начале XX в. находилась на уровне около 170%²⁷, т. е. была самой низкой по всем областям Архангельской губернии. К примеру, в Кемском уезде в 1870–1880-х гг. дети в возрасте до одного года составляли лишь четвертую часть от числа всех умерших, в то время как в других уездах Архангельской губернии соответствующая цифра нередко достигала 50%²⁸. По данным метрических книг за период 1873–1904 гг. в Кемском уезде умерло всего около 5500 детей в возрасте до года, т. е. в среднем умирало 170 младенцев в год²⁹.

По подсчетам доктора Ульриха, меньше всего младенцев в Кемском уезде умирало в среде карельского и саамского населения, где младенческая смертность была в три раза меньше, чем в среде русских жителей уезда³⁰. Отмеченное Ульрихом различие между младенческой

смертностью у карельского и русского населения подтверждается подсчетами, проведенными по данным метрических книг. Как видно из приведенного графика, младенческая смертность в семьях беломорских карел была нередко в два, а то и в три раза ниже, чем в семьях поморских крестьян Кемского уезда. В поморских приходах уезда младенческая смертность колебалась в пределах 180–300%, приближалась к средним показателям младенческой смертности по европейской территории России. В то же время в карельских приходах она редко превышала 100%. Даже западные соседи беломорских карел – финны из провинции Кайнуу – не смогли превзойти своих «братьев по крови» в этом отношении. В Кайнуу младенческая смертность в исследуемый период колебалась от 100 до 200%, т. е. была выше, чем в Беломорской Карелии, хотя и незначительно³¹.

Младенческая смертность (%) в Европейской России (□), приходах Кемского Поморья (○) и Беломорской Карелии (◇) в период 1873–1910 гг.³²

Доктор Никитенко, защитивший в начале XX в. диссертацию по детской смертности в России, высказал предположение, что в огромной и слабозаселенной Архангельской губернии «климатические и другие условия» могли бы объяснить какие угодно исключения в показателях смертности³³. Действительно, что касается климатических условий, то они, несомненно, оказывали влияние на младенческую смертность. В карельских частях уезда, расположенных далеко от побережья, обширные леса, сухие песчаные перешейки и чистые реки и озера обеспечивали обитателям здоровую среду обитания. В Поморье климат был значительно сырее, что, несомненно, сказывалось и на

здоровье маленьких детей. Отдаленность карельских деревень от берега моря имела и еще одну положительную черту, а именно: отсутствие дорог и постоянного сообщения с внешним миром уменьшало вероятность проникновения в карельские области эпидемий. В то же время поморы, имевшие тесные морские контакты как с соседними селениями, так и с городами в России и за рубежом, нередко привозили из своих путешествий заразные болезни. Главным рассадником эпидемий служили рыбацкие бараки на Мурманском берегу, в которых поморские мужчины проживали во время летних промыслов.

Однако климат и географическое положение отнюдь не объясняли полностью почти троекратную разницу в младенческой смертности между карельским и русским населением Кемского уезда. Еще во второй половине XIX в. современники подчеркивали, что почти треть всех умерших в младенчестве крестьянских детей являлась жертвами недостаточного ухода³⁴. Ситуация с младенческой смертностью в Кемском уезде подтверждает, насколько велика была роль хозяйственной деятельности населения и традиций, касавшихся ухода за младенцами, в формировании картины детской смертности.

Этнограф Ю. Ю. Сурхаско писал, что в карельских деревнях в конце XIX – начале XX в. около трети всех новорожденных умирало в возрасте до года. По его сведениям, такая высокая младенческая смертность зависела, прежде всего, от того, что много новорожденных умирало в период летней страды, когда у матерей не оставалось времени для ухода за младенцами. У детей, родившихся осенью, шансы на выживание были лучше, поскольку количество работ уменьшалось и об «осенних» детях заботились больше³⁵. Исследователь, несомненно, прав, говоря о зависимости младенческой смертности от графика сельскохозяйственных работ, однако для несведущего читателя требуется уточнение, о каких карелах идет речь. Было бы правильным подчеркнуть, что в данном случае очевидно, имеются в виду карельские жители Олонецкой губернии, хозяйственная деятельность которых была обычной для земледельческих крестьянских семей России.

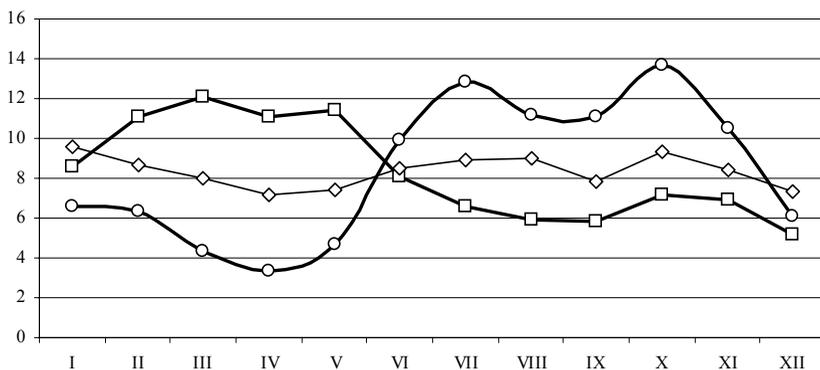
Земледелие действительно являлось одной из основных причин высокой младенческой смертности в сельскохозяйственных районах России. В летние месяцы смертность младенцев в средней полосе России резко возрастала. Причиной нередко называлась «детская» или «летняя» холера, которая, по мнению местных врачей, постоянно «жила» в деревне и достигала «высшего напряжения» в теплые месяцы года³⁶. «Желудочный катар», или просто «понос», был одной из самых частых причин смерти

младенцев, указываемых в метрических книгах. Иными словами, одной из самых распространенных причин младенческой смертности в русских деревнях сельскохозяйственной зоны России являлись желудочно-кишечные инфекции. Распространение этих инфекций среди младенцев напрямую зависело от способов кормления и ухода, в особенности за новорожденными детьми.

Резкий рост младенческой смертности в летний период обуславливался также и тем, что в летние месяцы увеличивалась рождаемость в крестьянских семьях. Рабочий ритм крестьянской семьи, зависящей от земледелия, накладывал отпечаток на внутригодичное распределение рождаемости. Больше всего зачатий в русских крестьянских семьях приходилось на осенний период, когда крестьяне освобождались от полевых работ, что приводило к увеличению рождаемости в летние месяцы, в самый разгар летней страды. А поскольку в семьях русских крестьян роженицы и кормящие матери обычно не получали особых поблажек, грудные младенцы оказывались практически брошенными на произвол судьбы в самый критический период жизни. Занятые на полевых работах матери вынуждены были оставлять новорожденных детей дома на попечение «нянек». Прокисшее коровье молоко, сладкая водичка, а то и брага из грязного «рожка» и всяческие «жевки», содержимое которых было скорее ядовитым, чем питательным, служили заменителями материнского молока, а в качестве «нянек» выступали либо совершенно негодные к работам старики, либо дети, сами лишь недавно покинувшие колыбель. Такие «няньки» не могли обеспечить даже элементарного ухода за младенцами. Не удивительно, что множество русских малышей гибло от «летних поносов» и всевозможных несчастных случаев³⁷.

Приведенный ниже график показывает, что внутригодичное распределение рождаемости в Кемском Поморье было близко к распределению рождаемости в земледельческих районах России. Объясняется это тем, что промысловый сезон на Мурманском берегу совпадал по срокам с земледельческой страдой. Возвращение поморских мужчин с рыбных промыслов являлось причиной увеличения количества зачатий в осенний период. Это приводило к тому, что поморские женщины рожали тоже чаще всего в летние месяцы, когда мужчины находились вдали от дома и на женщин ложились все заботы по ведению хозяйства. Не удивительно, что и в поморских семьях маленькие дети заболели и умирали практически с такой же частотой, как и русские крестьянские дети в земледельческих регионах России.

Внутригодовое распределение рождаемости (%) в европейских губерниях России в 1889–1898 гг. (◇); Кемском Поморье (○) и Беломорской Карелии (□) в 1873–1882 гг.³⁸

В семьях же карельских крестьян Кемского уезда ситуация была значительно более благоприятной по отношению к младенцам. Как уже упоминалось, во второй половине XIX в. образ жизни беломорских карел значительно отличался от образа жизни крестьян-землепашцев. Отхожи промыслы являлись причиной того, что внутригодовое распределение рождаемости в карельском регионе Кемского уезда было прямо противоположным годовому распределению рождаемости в Кемском Поморье и сельскохозяйственных районах России. Карельские мужчины уходили на заработки осенью и возвращались весной, до наступления распутья. Лето «коробейники» – как, впрочем, и карельские крестьяне, занимавшиеся извозом и лесозаготовками, – проводили дома, набираясь сил для следующего трудового сезона³⁹.

Такой годовой ритм работ приводил к тому, что количество зачатий в семьях беломорских карел достигало своего максимума летом, обуславливая, таким образом, высокую рождаемость в конце зимы и в весенние месяцы. Отход от земледелия предоставлял карельским женщинам больше свободы и времени для ухода за новорожденными. В результате в первые месяцы жизни карельские дети питались материнским молоком, а не «жевками», как их сверстники в русских деревнях. Разница в культуре ухода и в отношении к кормящим матерям и маленьким детям приводила к тому, что большинство карельских детей Кемского уезда благополучно преодолевали первый год жизни, являвшийся самым опасным периодом.

Подводя краткий итог, можно сказать, что Беломорская Карелия конца XIX – начала XX в. по показателям рождаемости и младенческой

смертности находилась отнюдь не на уровне забытой Богом, «полуди-кой» провинции, а напротив – была близка к самым прогрессивным странам Западной Европы. В то же время рождаемость и младенческая смертность в семьях соседей карел по уезду – русских крестьян Поморья – все еще оставались на «феодалном» уровне. Иными словами, если семьи беломорских карел уже активно переходили к рациональному, «западному» типу репродуктивного поведения, то поморы Кемского уезда продолжали придерживаться традиционного, «восточного» типа репродуктивного поведения. Выражаясь образно, в демографическом отношении граница между Западом и Востоком на крайнем северо-западе России проходила не по границе между Финляндией и Россией, а по этнической границе между карельскими и русскими областями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В современной демографии под репродуктивным поведением подразумевается совокупность норм и установок, действующих в определенном обществе и влияющих на деторождение. Репродуктивное поведение является частью так называемого демографического поведения и регулируется социальными и культурными нормами общества. См.: Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Д. И. Валентей. М., 1985. С. 199.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 166.

³ Антонов А., Медков М. Социология семьи. М., 1996. С. 98–99.

⁴ Вишневский А. Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 105–107.

⁵ Богуслав. Беломорская Карелия // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1847. № 5. С. 221–224.

⁶ Максимов С. В. Год на Севере. Ч. 1. СПб., 1896. С. 255–258.

⁷ Никольская Р. Ф. Традиционно-бытовая культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 144.

⁸ Vuolle S., Artman R., Aalto P. Интервью архангельских карел-переселенцев, сделанные Майю Кеунясом в 1940 году. Тетрадь III. Архив Карельского просветительского общества (Karjalan Sivistysseura), Хельсинки.

⁹ Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienen Karjalan tapoja ja uskomuksia. Jyväskylä, 1995. S. 25.

¹⁰ Бондарская Г., Вишневский А. Ранние этапы перехода к новому типу рождаемости в СССР (дореволюционный период) // Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 132–133.

¹¹ Turpeinen O. Lastensuojelu ja väestönkehitys // Suomen lastensuojelun historia. Helsinki, 1987. S. 355; Koskinen S., Martelin T., Notkola I.-L., Notkola V., Pitkänen K. Suomen väestö. Hämeenlinna, 1994. S. 316.

¹² Turpeinen O. Kainuun historia II. Väestö ja talous 1721–1982. Kajaani, 1985. S. 51, 232–233; Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Tornio, 1969. S. 167.

¹³ Построено по данным: Бондарская Г., Вишневский А. Указ. соч. С. 133; Strommer A. Op. cit. С. 167, 171; Исповедальные книги Кемского уезда 1900 г.; Метрические книги Кемского уезда 1876–1904 гг.

¹⁴ Народонаселение. Энциклопедический словарь / Ред. Г. Меликъян. М., 1994. С. 393–394.

¹⁵ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 181, 186; Вишневский А. Г. Указ. соч. С. 122–123.

¹⁶ Энгельгардт А. Русский Север: путевые записки. СПб., 1897. С. 36.

¹⁷ Чубинский П. Статистическо-этнографический очерк Корелы // Труды Архангельского Статистического комитета за 1865 год. Кн. 2. Архангельск, 1866. С. 75.

¹⁸ Кораблев Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 56–61; Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX вв. Рукопись диссертации. Петрозаводск, 1998. С. 42.

¹⁹ А. П. Юшкозерский приход, Кемского уезда // Архангельские Епархиальные ведомости. 1912. № 5. С. 127.

²⁰ Чирков Иоанн. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские Епархиальные ведомости. 1908. № 7. С. 211.

²¹ Бернштам Т. А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978. С. 133.

²² Там же. С. 134.

²³ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 199.

²⁴ Новосельский С. Обзор по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств на 1916 год. Ч. 2. Петроград, 1916. С. 64–65.

²⁵ Куркин П. Смертность малых детей. Статистика детской смертности. Московское Общество борьбы с детской смертностью. М., 1911. С. 16–19.

²⁶ Никитенко В. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год. СПб., 1901. С. 39; Соколов Д., Гребенщиков В. Смертность в России и борьба с нею. СПб., 1901. С. 20–24; Куркин П. Указ. соч. С. 19.

²⁷ Никитенко В. Указ. соч. С. 227, 235; Соколов Д., Гребенщиков В. Указ. соч. С. 18, 21–24.

²⁸ Минейко Г. Особенности смертности сельского населения в уездах Архангельской губернии. Протоколы и труды Общества Архангельских врачей за 1886 год. Вып. II. Архангельск, 1887. С. 148.

²⁹ Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1904 гг.

³⁰ Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношениях // Записки Императорского Русского Географического общества по отделению статистики. Т. 5. СПб., 1878. С. 81, 83.

³¹ Turpeinen O. Kainuun historia II. S. 60.

³² Построено по данным: Новосельский С. Указ. соч. С. 64–65; Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1904 гг.

³³ Никитенко В. Указ. соч. С. 50.

³⁴ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 204.

³⁵ Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. С. 49.

³⁶ Куркин П. Указ. соч. С. 28.

³⁷ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 199–200; Никитенко В. Указ. соч. С. 26–30.

³⁸ Построено по данным: Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб., 1903. С. 45–46; Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1882 гг.

³⁹ Naakka-Korhonen M. Halpa hinta – pitkä mitta. Rauma, 1988. S. 68–69, 81.